

В периферийном драмтеатре шла новая пьеса местного драматурга. За два месяца до представления весь город забросали рекламой. Афиши пестрили фамилиями актеров. Красивое лицо актрисы, исполняющей главную роль, привлекало своей завораживающей улыбкой. Билеты раскупались хорошо. Глеб Корозов тоже приобрел на первое представление.

Но пьеса, как часто в подобных случаях бывает, оказалась так себе, актеры выкладывались из последних сил, чтобы вытянуть ее.

Глеб с женой Ольгой сидел в шестом ряду и подавлял зевок, пропуская мимо ушей скучные диалоги актеров, выделяя, между тем, актрису, игравшую главную роль.

Зрители изредка поощряли ее жиденькими аплодисментами. Ольга тоже вскидывала ладони и хлопала. Лишь в первом ряду, вслед за аплодисментами, с места вскакивал высокий молодой человек в светлой рубашке, и всякий раз кидал к ногам актрисы цветок розы. Однако ее лицо при этом не выражало чувства благодарности. Скорее, какую-то болезненную усталость.

В перерыве между актами в фойе театра, у стены с фотографиями актеров и афишами, Ольга неподалеку от себя увидела этого парня и дернула за рукав пиджака мужа. Глеб приблизился к нему, глянул на фотографию актрисы, сказал громко, чтобы тот слышал:

— Красивая девушка.

Покосившись на него, парень округлил глаза, и неожиданно буркнул в ответ:

— Она — ведьма, но она прекрасна! — и быстро отошел в сторону.

Глеб и Ольга ошеломленно посмотрели ему в спину. Переглянулись. Ольга озадаченно пожала плечами. Глеб усмехнулся, он и сам был обескуражен. Но, решив, что им до этого нет никакого дела, взял жену под локоть, отвел от фотографий. Она

внутренне согласилась с мужем, но, между тем, все-таки на лице у нее оставалось удивление: впервые приходилось наблюдать, как к ногам ведьмы с завидным постоянством бросали цветы. Корозов глазами поискал парня среди публики и обронил:

— Розы для ведьмы. А в этом есть что-то притягательное, я бы даже сказал, колдовское.

С обычной женской проникательностью Ольга уверенно предположила:

— Никакого колдовства здесь нет, Глеб. Вернее всего — неразделенная любовь.

Фойе было просторным, однако для всей публики из зрительного зала казалось тесноватым. Потому часть зрителей вышла на улицу, подышать свежим воздухом и перекурить. В основном мужчины.

Женщины прохаживались внутри по ковровым дорожкам, что-то обсуждали, о чем-то молчали.

Пожилые в макияже одеты более чопорно — с прическами, в красивых юбках и блузках, в платьях, которые надеваются редко, в исключительных случаях: на торжества, на праздники, в театры.

У молодых границы размыты, на них одежда проще. Здесь и джинсы, и топы, и даже шорты. Макияж — через одну, а то и через две, и прически будничные, как на улице, в кафе или в магазине.

Ну а мужчины все стандартные: брюки, рубашки, чубчики.

А некоторые облечены чуть ли не по-дачному, но это явно не театралы, случайные люди. Такие сходят один раз в своей жизни в театр, а потом десять лет будут вспоминать об этом. И с каждым годом нуднее брюзжать. Дескать, да что там можно смотреть, лучше у телевизора посидеть, футбол поглазеть, все больше пользы.

Ольга была одета просто, но со вкусом. Одежда подчеркивала ее неброскую в пастельных тонах красоту. Мягкая улыбка, с дымчатым оттенком глаза. Мужчины останавливали на ней взгляды. Глебу это нравилось. Он слушал ее, наклонив голову,

и придерживал под локоть. Как бы своим заботливым видом говорил окружающим, что это его женщина, и он любит ее.

Раздался звонок, зрители стали возвращаться на свои места. Зал мест на триста, с высоким потолком, высокой сценой, балконами, несколькими входами, рядами красных кресел и скрытыми от глаз боковыми светильниками.

Корозов опустил в не очень удобное кресло. Кресла в этом театре всегда раздражали его. Тесные, с прямыми спинками, жестковатыми сиденьями, узкими подлокотниками. Твои локти постоянно мешают соседу, а локти соседа мешают тебе. Глеб уставал в них и всякий раз под конец пьесы начинал нервничать. Все-таки здесь хотелось быть захваченным действием, происходящим на сцене, нежели думать, как удобнее расположиться в кресле, как прижать спину, куда положить локти и как убрать локоть соседа от своего бока.

Рассеянно смотря как рассаживалась публика, Глеб провел глазами по креслу, где должен был сидеть парень с цветами, но его место пустовало. Возможно, он задерживался, однако занавес подняли, а молодой человек так и не появился. И когда на сцену выходила актриса, никто больше не клал розы к ее ногам.

Определенно, зал был разочарован этим, многие зрители, встречая аплодисментами актрису, посматривали в сторону пустующего кресла. Да и сама актриса взглядом как будто выискивала парня, то и дело косилась на пустое место.

Обратив внимание на это, Ольга слегка пошевелилась, дотронулась до руки мужа, шепнула:

— Ты видишь, она ищет его глазами.

Глеб ничего не ответил. Непроизвольно он уже воспринимал молодого человека с цветами как персонажа первого акта пьесы. Закончился первый акт, закончилась и его роль.

По окончании спектакля, проводив аплодисментами актеров, зрители двинулись к выходу. Глеб и Ольга дождались, когда зал опустел, и также поднялись из кресел. Два охранника Корозова, сидевшие по бокам от них, вскочили на ноги.

Парадный вход в театр был оформлен в белых тонах. С колоннами, лепниной на стенах и высоким крыльцом. Вдоль театра — деревья и цветники с клумбой, за ними — тротуар и новая полоса деревьев, за которой на обочине дороги организован парковочный карман.

Выйдя на улицу, они снова увидели молодого человека. Он был приятной наружности, с густыми короткими волосами и несколько взволнованным видом. Стоял возле машины на парковке. Один. Наблюдал за выходящими из театра зрителями. К нему со спины, обойдя другие машины, стремительно двигались двое парней. У Глеба мелькнула мысль, что слишком уж они спешили.

Молодой человек обернулся и неожиданно, буквально мгновенно, между ними вспыхнула драка. Двое напали на одного и стали избивать. Он защищался как мог, но было видно, что умел он это делать очень плохо, потому что двое легко с ним справлялись. Он быстро был сбит с ног и окровавлен. Глеб показал охранникам:

— Разнимите!

Те кинулись растаскивать, но получили резкий отпор и были втянуты в драку. Началась потасовка между ними и двумя напавшими на молодого человека.

Тот в это время с трудом поднялся с асфальта. Глеб подошел к нему. Парень вытер с лица кровь, поблагодарил Корозова:

— Спасибо за помощь. Но я бы и сам справился.

— Сомневаюсь, — сказал Глеб, видя, как отчаянно бьются с охранниками его противники.

Отвернувшись, молодой человек вдруг дерзко кинулся в гущу схватки, и Корозов увидел у него в руке нож, занесенный над головой одного из противников. Еще мгновение и произошло бы непоправимое.

Сорвавшись с места, Глеб схватил за руку парня и рванул на себя. Тот развернулся, шальными глазами вперился в Корозова, и будто что-то в его мозге переключилось, замахнулся

ножом на Глеба. На лице было дикое выражение, которое однозначно говорило, что молодой человек, не задумываясь, ударит ножом.

Но своим ударом Корозов упредил его. У молодого человека подкосились ноги, он обмяк, завалился набок, нож выпал из руки. Глеб машинально нагнулся за ножом, подхватил и сунул в карман пиджака. Наклонился над парнем, протянул руку, чтобы помочь подняться:

— Ты что-то не на шутку разошелся. На всех кидаться с ножом начал.

Мотая головой, тот встряхнулся, привстал, метнул глазами по асфальту, нервно спросил:

— Где нож?

Хлопнув себя по карману, Глеб дал понять, что лучше, если нож останется у него. Парень зло задрожал, схватил Корозова за пиджак:

— Нож! — потребовал с яростью.

Было видно, что он находился в таком состоянии, когда не только нож нельзя было давать ему в руки, но даже к простой авторучке подпускать опасно. Глеб оттолкнул его, один из охранников оттеснил дальше.

Внезапно парень резко развернулся к своей машине, прыгнул в салон, сорвал авто с места и скрылся в транспортном потоке.

Двое дравшихся с охранниками, видя, что противник ускользнул, отступили в гущу зевак, собравшихся на тротуаре, и один из двоих пригрозил Корозову:

— Ты пожалеешь, что ввязался не в свое дело!

Оба мгновенно пустились наутек и исчезли за углом театра. Глеб смотрел сердито. Подбежав к нему, Ольга стряхнула с его пиджака грязь, приговаривая:

— Ну, вот зачем ты ввязался? Сколько раз обещал мне никуда не влезать? Как я могу верить твоему слову?

— Оленька, — оправдывался муж, — я же хотел как лучше. Хотел прекратить драку. Откуда я мог знать, что все так обернется, что парень готов будет устроить поножовщину?

— Хотел, хотел. А если бы он тебя пырнул?

— Но не пырнул же, — отвечал он. — Виноват, прости, больше не буду. — Обнял ее, поцеловал в висок и повел к машине.

Охранник открыл пассажирскую дверь авто. Глеб помог Ольге сесть, и сел сам. Охранник обежал машину, прыгнул в салон с другой стороны. Второй плюхнулся на сиденье рядом с водителем. Уже в машине Глеб с иронией сказал охранникам:

— Долго вы что-то возились с теми двумя. Долго, — вспомнил про нож, вытащил его из кармана, положил на ладонь.

Увидав нож, охранник присвистнул восхищенно:

— Вот это финкарь! Настоящий кинжал!

Ручка небольшого кинжала была отделана драгоценными камнями, лезвие поражало остротой. Глеб рассматривал его и удивлялся. Цена вещи была определенно высокой.

Покачав головой, Ольга выразила свое мнение одной фразой:

— Это очень дорогой нож, Глеб, его надо вернуть.

— Вижу, вижу, Оленька, — он положил кинжал себе под ноги, достал из кармана носовой платок и вытер руки. — Естественно его следует вернуть, вот только неизвестно кому.

— Мне кажется, — сказала Ольга в продолжение первой фразы, как бы умудренная определенным опытом, — молодой человек обязательно вернется за этим ножом.

Нагнувшись, Корозов снова взял кинжал в руки:

— Чем быстрее вернется, тем лучше, — ответил. — Нож непростой.

Автомобиль отъехал от театра и медленно влился в дорожный поток.

Молодой человек был нервно-возбужденным, резко крутил рулем то вправо, то влево, рывками давил ногой то на педаль газа, то на педаль тормоза. Машина дергалась из стороны в сторону. Разгонялась и тормозила. Обгоняла и отставала.

Крайняя степень лихорадочности выбивала парня из равновесия. Он плохо видел дорогу, она расплывалась перед его

глазами, терялась из вида. В какой-то миг он понял, что надо остановиться, что в таком состоянии ехать опасно. Поэтому круто свернул к обочине, выскочил за бордюр, застопорил авто. Схватился руками за голову, и застонал, заскулил от отчаяния и злобы. Ударил кулаками по рулю:

— Убью, убью, убью! — но кого он хотел убить, непонятно.

Лицо было в крови и ссадинах, светлая рубаша на животе порвана, измазана кровью и грязью, руки дрожали мелкой противной дрожью точно так же, как дрожали губы, и точно так же, как дрожал голос, когда произносил слова:

— Убью, убью! — нервно вылез из автомобиля, несколько раз ударил ногой по переднему колесу, произнося все те же слова, как будто колесо было причиной всех его несчастий.

Мимо с шумом проносились машины, но молодого человека сейчас полностью поглотили его мысли и он ничего кругом не замечал.

Наступали сумерки, по обочинам дороги зажглись светильники, автомобили включали фары.

Молодой человек несколько раз обошел вокруг машины, унимая собственную дрожь и понемногу успокаиваясь. После этого глянул на время и, спохватившись, снова прыгнул в салон автомашины.

Выехал на середину дороги, включил фары, на перекрестке развернулся в обратную сторону. Снова подъехал к театру, припарковался.

На входе в театр, перед ступенями высокого крыльца горели яркие фонари. Вдоль здания театра светильники на столбах проливали свет на стены, тротуар и машины на парковке. Слабый свет проникал в салон авто парня.

Сидя в машине, молодой человек неподвижно устал взгляд на здание театра и смотрел до тех пор, пока не открылись двери служебного выхода, и из них не появились актеры и работники театра. Когда основная масса схлынула, выскочила актриса, к ногам которой он клал розы. Она торопливой походкой направилась к его машине. Парень потянулся рукой

к противоположной двери, приоткрыл ее. Девушка быстро юркнула в машину и так же быстро попросила:

— Поехали, Роман! Скорее! — потом глянула на парня и удивленно расширила глаза, в полутьме она все-таки разглядела порванную рубаху, ссадины на лице, спросила. — Что с тобой, Роман?

— Не обращай внимания, — отозвался Роман, завел мотор, включил скорость, машина послушно покатила.

Вытащив из сумочки носовой платок, девушка аккуратно коснулась ран на его лице, но он отстранился, давая понять, что все это сейчас ни к чему. Она опустила стекло и выбросила платок на улицу.

Через два-три квартала Роман свернул в переулок и остановил машину. Наклонился к девушке, обнял ее. Она охотно подставила губы для поцелуя. Он целовал их долго, пока она не попросила поехать дальше. Роман положил руки на руль, его лицо в темноте было радостным:

— Куда едем, Ева? Ко мне? — спросил, всматриваясь в темное лицо актрисы.

Кинув взгляд сквозь лобовое стекло на дорогу, Ева взяла Романа за локоть, выражая этим свое согласие.

— Я тебя люблю! — восторженно воскликнул он.

— Знаю, — проникновенно отозвалась она.

— Ты меня сводишь с ума! — в его голосе было безумное восхищение ею.

— Не надо, не сходи с ума! — засмеялась она игриво. — Ну, хотя бы пока сидишь за рулем. Страшно ехать по дороге с сумасшедшим.

— Ты очаровательна! — сказал он.

— Тоже знаю, — продолжала улыбаться Ева. — Ты уже не раз говорил мне об этом.

Взяв руку девушки, Роман прикоснулся губами к красивым пальцам и тронул машину с места.

Ева Нарлинская была успешной актрисой театра. Она была молодой, способной и прекрасно сложенной: выразительное

лицо и красивая фигура давали ей преимущества перед многими, а учитывая способности, она была превосходна.

Ее успех не давал покоя многим конкуренткам. За кулисами завистливые языки зудели о ней, что она молодая да ранняя. Иначе говоря, выскочка, которая выпорхнула не благодаря своему таланту, а благодаря покровительству сильных в театре.

Роман гнал машину как обезумевший. Ева несколько раз дотрагивалась до его плеча со словами:

— Аккуратнее, Роман, мне страшно.

Он припарковал машину у дома. Потянулся к Еве и опять чмокнул ее. Потом помог выйти из авто, крепко взял за руку и повел к подъезду.

Сумерки сильно сгустились, асфальт под ногами был с мелкими выбоинами. Около дома безлюдно, в окнах — свет, фонарь на столбе напротив подъезда мрачно маячил тусклой лампой на самом верху.

В темном подъезде Роман снова притиснул девушку к себе, целуя ее. Она не отстранилась, но тихо шепнула:

— Пошли быстрее, у нас осталось не так много времени.

Он щекой потерся об ее щеку, не понимая, почему осталось мало времени, когда впереди целая ночь. Однако Ева вся скукожилась, превратившись в маленький комочек, и обреченно пролепетала:

— Один из них придет сегодня. Он всегда приходит среди ночи.

После таких слов Роман резко отстранился, зло задышал девушке в лицо:

— Я убью их, покрошу на мелкие кусочки!

Испуганно прикрыв его рот пальцами, становясь совершенно беззащитной, Ева попросила:

— Не делай этого. Это неразумно.

Он дрожал, как наэлектризованный:

— Я не считаю это неразумным! Неразумно все, что происходит теперь!

Тихо вздохнув, девушка согласилась с ним:

— Да, — подтвердила. — И вообще все вокруг неразумно. Но зато все это хотя бы без крови.

Роман решительно обхватил Еву руками так крепко, что, казалось, сейчас не было силы, которая смогла бы оторвать его от нее. Но ее слова заставили его очнуться. Она выдохнула ему в самое ухо:

— Хватит уже стоять на месте, надо идти, Роман.

Он повел ее в темноте вверх по лестничному маршу, возмущаясь про себя, что в подъезде не было света. Удивлялся, ведь еще вчера здесь горели лампочки, а сегодня, хоть глаз коли.

Они поднялись до второго этажа, когда Роман, почувял присутствие двух темных фигур на площадке. Но не успел предотвратить опасность. Одна из фигур оторвалась от стены и ударила его по голове чем-то тяжелым, отчего сознание сразу отключилось. Только в самый последний миг парень успел толкнуть вниз Еву, хотел крикнуть: «Беги», но не смог произнести ни слова, потому что удар по голове прервал его разум.

Сколько после этого пришлось бы пролежать Роману сказать трудно, если бы минут через десять на него не наткнулся сосед по площадке, возвращавшийся с работы. Решив, что лежит пьяный, он поначалу заворчал недовольно, но потом посветил зажигалкой и узнал Романа, увидел кровь на его голове и все понял. Пощупал пульс, начал приводить парня в сознание.

Очнувшись, тот в горячке, плохо соображая, закрутил головой, стал подниматься на ноги, заговорил:

— Ева. Ева. Где Ева? Где она? Где?

Мужчина помог ему, хриловато сказал:

— Ты чего парень? Никакой Евы здесь нет, и не было! Тебя, кажется, по башке огрели. Кто это тебя так? Или ты сам головой о стену шарахнулся?

В памяти у Романа плавало лицо девушки, и медленно восстанавливался ход предыдущих событий. Впрочем, никаких событий не было. Был темный подъезд, и удар по голове. Вот и все. На площадке кто-то ждал его. В темноте — не разобрал,

кто ударил. — А Ева? Что с Евой? Почему ее нет? — снова спросил он.

— Ну что ты толмачишь одно и то же? — откашлялся сосед, как обычно делают заядливые курильщики. — Говорю тебе, никого нет. Ты здесь один. Хорошо, что живой. Может, в больницу отвезти тебя?

Роман застонал и прислонился спиной к стене.

Корозов несколько дней ждал, когда объявится владелец дорогого кинжала, но дни проходили, а никто не давал о себе знать.

Странно было, что молодой человек не проявлял активности по возврату этой вещи. Ведь цена у нее была немалая. Глеба напрягало все, и он начинал склоняться к тому, что история кинжала могла быть связана с криминалом. Чувство от такой мысли было неприятное. Держать у себя сомнительную вещь не хотелось.

И Глеб решил первым проявить инициативу, поручил начальнику охраны Исаю отыскать парня. Однако последующая неделя не дала никаких результатов. Исай разводил руками. Установили наблюдение за девушкой, потому что она была единственной зацепкой в этой истории. Впрочем, уверенности в том, что она с парнем знакома, не было. И неделя слежки как бы подтверждала это. Возле актрисы парень не появлялся. Где его искать было непонятно.

Тогда Корозов решил сам разрубить гордиев узел. Взял билеты на другой спектакль с ее участием, и они с Ольгой заняли свои места. Исподволь Глеб надеялся, чем черт не шутит, вдруг на этом спектакле появится молодой человек. Но прошло все представление, зрители с одобрением принимали Нарлинскую, некоторые оживленно вскакивали с мест, кричали слова одобрения, между тем, парня в зрительном зале не было. И в этом оживлении его очень не хватало.

По окончании представления, Глеб и Ольга отправились за кулисы. Там стояла обычная суматоха, какая бывает среди

работников театра после представления. Суетились работники сцены, что-то перетаскивали с места на место, покрикивали друг на друга. Толкались актеры, на ходу переговаривались, поспешая кто куда.

На Еву Корозовы наткнулись около гримерной комнаты, на двери которой была наклеена афиша с ее портретом. Глеб взял девушку под руку и удержал на месте, выражая восхищение ее дарованием. Он намеренно преувеличивал свой восторг, высказывая слова признательности за ее игру. На самом деле было не совсем так. В игре Евы не было ничего особенного, но Глебу надо было расположить Нарлинскую к себе.

Она с любопытством смотрела на него. Высокий, мускулистый с приятным волевым лицом и упругим голосом, он определенно производил хорошее впечатление. Тихо поблагодарила в ответ. А Глеб продолжил:

— Мы крайне сожалеем, что оказались такими недогадливыми и не принесли с собой букет цветов, чтобы преподнести вам.

Ева улыбнулась, в глазах плавало прежнее любопытство.

Не отрывая взгляда от ее лица, Корозов пытался по глазам угадывать ее истинную реакцию на его слова. Хотя понимал, что она неплохая актриса, и должна не только прекрасно играть на сцене, но в совершенстве владеть своим лицом в любой обстановке. Как бы между прочим заметил:

— А еще мы сожалеем, что на спектакле не было молодого человека, который на одном из прежних представлений весь первый акт выносил к вашим ногам по цветку роз. Вы помните это? — спросил.

— Да, — коротко ответила она и снова замолчала.

Глебу почудилось, будто он с нею разыгрывает какую-то маленькую сценку из пьесы с двумя действующими лицами. Он напирал, она гасит его напор. И никто не выигрывает. Каждый остается при своих. Глеб взглянул на жену, ища поддержки и продолжая говорить:

— Со стороны это было очень красиво, весь зрительный зал одобрял поступок молодого человека, и было за что.

— Это действительно было сказочно! — поддержала мужа Ольга.

— Меня это смущало, — негромко призналась Нарлинская и опустила глаза, словно сконфузилась.

В этот миг Корозову она показалась маленькой беззащитной девочкой, которая стесняется собственного успеха, и он попытался придать ей уверенности в себе:

— Напрасно вы себя так чувствовали, по всему было видно, молодой человек в вас очень сильно влюблен.

Ева пожала плечами, качнула головой и не совсем убедительным тоном сказала:

— Я не знаю.

— Но имя-то его, надеюсь, вы знаете. Такие поклонники — это редкость! — надавил Глеб.

— Откуда же я могу знать его имя? — безразличным, но явно напускным тоном произнесла девушка. — Нет, конечно.

Глеб обратил внимание, как она чуть напряглась, перестала отвлекаться на проходивших мимо актеров, направлять внимание на их слова, обращенные к ней. Чувствовалось, что ее ответ не соответствовал действительности.

— А мне показалось, что вы знаете этого почитателя, — подтолкнул он.

На лице Нарлинской появилось недовольство:

— Не могу же я знать всех своих поклонников! — слегка поморщилась, неохотно отозвалась, как о предмете, который ей совсем неинтересен. — Нет, я его не знаю! — помолчала и дополнила. — Так же, как и зрителей, которые приходят на спектакли. Вот, например, вас.

Чтобы помочь мужу и несколько снять образовавшееся напряжение, Ольга успокаивающим ровным голосом заметила:

— Должно быть, молодой человек не первый раз подносил вам цветы. Вы достойны этого.

Посмотрев на Ольгу и, встретив добрые глаза, Ева погасила недовольство, произнесла:

— Да, бывал, но никогда не подходил ко мне.

В глубине души Глеб поблагодарил жену, видя изменившиеся глаза Нарлинской. Полез в карман пиджака:

— Если он ненароком еще появится и, быть может, подойдет к вам, передайте ему мою визитку. — Протянул визитную карточку Еве. — Молодой человек случайно обронил одну вещь, и я хотел бы ему вернуть ее. — Пояснил, подметив недоумение в глазах Евы.

Она взяла карточку с полным безучастием на лице:

— Я ничего не могу вам обещать, — мельком глянула на визитку и вскинула брови. — Вы тот самый Корозов? Владелец магазинов. Я знаю ваши магазины.

— Стало быть, мы с вами заочно знакомы! — ухватился за ее слова Глеб. — Да, я тот самый Корозов, а вы та самая Нарлинская, о которой говорит весь город! — он, конечно, привирал сейчас, но с благими намерениями. — По случаю знакомства я приглашаю вас в ресторан, ну, скажем, в воскресенье вечером. Вас это устраивает?

— Нет, у меня в воскресенье вечером спектакль, — отрицательно закрутила головой Ева, — но у меня свободный вечер во вторник, так что я могла бы принять ваше предложение вместе с друзьями, если вы не возражаете, конечно.

Качнувшись в ее сторону, Корозов сделал широкий жест, давая понять этим жестом, что он готов пригласить Еву хоть со всем театром. Она неожиданно засмеялась мелодичным приятным смехом, как бы отвечая, что весь театр, это слишком много, нет, только с самыми близкими друзьями.

— В таком случае, договорились. — Глеб протянул ей ладонь, в которой спряталась ее маленькая ладошка. — Во вторник вечером, после девятнадцати часов ресторан «Белый лебедь» будет ждать вас!

Распрощавшись, они с Ольгой вышли из-за кулис, и когда уже были на улице, он позвонил Исаю:

— К следующему вторнику, хоть из-под земли, но ты должен мне найти того молодого человека!

Слежка за Нарлинской пока ничего не дала. С утра до ночи люди Исаея кружили возле театра, стараясь не упустить из внимания ни одного человека, возникавшего неподалеку. Однако охранник Глеба, участвовавший в драке и запомнивший Романа, разводил руками. Между тем, вдруг на глаза попался один из парней, устроивших драку с Романом. С ним внезапно, нос к носу, столкнулся охранник Корозова. Они мгновение смотрели глаза в глаза, и оба узнали друг друга.

Охранник, крепкий здоровяк с крутыми плечами, прочной шеей, короткими черными волосами и простоватым лицом, и парень, ростом чуть ниже, налитой, с хорошими кулаками, явно выносливый и не из трусливого десятка, с мурластым лицом, стриженный наголо.

Сообразив, что охранник здесь находится не случайно, он метнулся в толпу на тротуаре. Но охранник быстро отреагировал, кинулся следом, прихватив с собой еще двоих. Они стали наступать. Парень пытаясь оторваться от преследователей, шныря между людьми вправо и влево, натыкаясь и расталкивая, махнул за угол, но, видя, что между домами уйти не удастся, бросился к дороге, однако и тут ему отсекали путь. Осознав, что все пути отрезаны, он ринулся к стене дома, прижался спиной и выхватил нож:

— Ну, давай, давай, кто первый?! Располосую на ремни! — размахивал ножом, не подпуская близко к себе. Приталенная рубашка в полоску выбилась у него из-под пояса, на груди натянулась. Давно не глаженные штанины собрались внизу на туфлях гармошкой.

Трое окружили его. Охранник Глеба остановился напротив:

— Убери ножик. У нас к тебе всего лишь небольшой разговор.

Меча взгляд по сторонам, парень не собирался уступать. Тогда охранник вытащил травмат и потребовал:

— Положи нож на землю, иначе тебе несдобровать!

Однако парень насмешливо сплюнул, и нож в его руке замелькал еще чаще, блестя лезвием на солнце:

— Плевать мне на твой ствол! Расступись! Не о чем мне с тобой базары разводить! — глаза парня блестели, говорили только об одном, что разговора с ним сейчас никакого не получится, он был возбужден донельзя.

Сунув травмат за пояс, сжав кулаки, охранник шагнул к нему. Тот яростно набычился, спиной еще плотнее прижался к кирпичной стене, направил нож в грудь противнику. Лезвие засверкало зловеще. Охранник сделал ложный выпад, и когда парень отреагировал на него, борцовским приемом перехватил руку с ножом и вывернул. Парень взвыл от боли, выронил нож. Охранник пригнул противника к земле:

— Ответить на вопросы придется, не в прятки с тобой играем! Поедешь с нами!

— Отпусти, гад, руку ломаешь! — завопил парень. — Больно! Больно! Отпусти, отпусти! Ладно, согласен, согласен!

Его повезли к Исаю. На протяжении всего пути он смотрел исподлобья, глаза бегали, как у затравленного зверя, молчал.

Исай сообщил о нем Корозову. Посадил парня на стул в своем небольшом кабинете, где помещался стол, несколько стульев, два шкафа: для одежды и бумаг и зеркало на стене. Парень ждал, что будет дальше. Исай сел напротив, узкое лицо с впалыми щеками было серьезным. Покрутил перед собой лист бумаги на столешнице, отодвинул, спросил:

— Как тебя зовут?

Ловя каждое движение Исае, парень чуть поежился от колкого холодного взгляда, потер ладонью о ладонь, ответил насмешливо:

— Кот в сапогах.

Парень явно лез на рожон. Но лицо Исае не изменилось:

— Хорошо, так и будем называть, — проговорил он. — Но если я выясню, что у тебя другая кликуха, пеняй на себя!

Отвернувшись, парень равнодушно повел глазами по крашеным в салатовой цвет стенам, мол, напугал козла капустой.

Исай подождал, пока тот не перестанет глазеть по стенам, спокойно продолжил:

— Почему возле театра несколько дней назад ты с приятелем затеял драку? Напали двое на одного. Как зовут твоего приятеля?

Снова парень выплеснул из себя насмешку:

— Не знаю, потому что сошлись случайно по пьянке.

И опять Исай сделал вид, что его устроил ответ, хотя в душе начинало бурлить. Скрестил на груди руки:

— Значит, тебе придется отдуваться одному за двоих.

— А ты не пугай меня, я сам пугать умею не хуже! — фальцетом выдал парень, подсакивая на стуле.

Дальше Исай так же спрашивал спокойным тоном. И только те, кто хорошо знали его, могли понять, что надвигается гроза. Между тем, спокойный тон Исая выводил парня из себя. Он нервничал, не выдерживая напряжения и, наконец, сорвался:

— Слушай, пошел ты подальше! В гробу я тебя видел в белых тапочках! Ты не мент, а я не зек, чтобы вопросы твои глотать и отвечать на них!

Медленно поднявшись со своего места, Исай аккуратно вышел из-за стола и с застывшим лицом ступил к парню. Тот вскочил со стула, принял защитную позу. Исай подошел ближе, тихо сказал:

— Не надо грубить, Кот в сапогах! — и вдруг стремительно нанес удар снизу.

Не успев сообразить как это произошло, парень в мгновение с воплями оказался на полу. Ударившись головой о стену, завозился, изрыгая ругань.

На шум в дверь вбежали охранники. Увидав, что с Исаем все нормально, опять закрыли дверь с другой стороны.

Став на колени, парень начал подниматься на ноги. Собрал себя в комок, набычился и кинулся на Исая. Но встречным ударом своих железных костистых кулаков начальник охраны вновь опрокинул его. Парень растянулся на полу, совершенно раздавленный поражением.

— Ну, что, Кот в сапогах, будешь еще испытывать судьбу, или хватит? — наклонился над ним Исая. — Может, все-таки поговорим, как положено?

Тяжело сев, прижавшись боком к стене, тот вытер с губ кровь и снизу затравлено посмотрел на начальника охраны.

Голос Исая зазвенел металлом. Угрожающим холодком протянуло, когда он начал снова задавать вопросы.

Трогая разбитые губы, парень надломлено начал выталкивать из себя слова.

Дверь отворилась, и на пороге появился Корозов. Шагнул в кабинет и удивленно остановился, узнал на полу того, который, убегая после драки у театра, угрожал ему. Навис над ним:

— Так это ты, приятель? Не забыл меня? Помнишь, как угрожал мне? О чем же я должен пожалеть? И зачем ты эту стену подпираешь, как атланты небо?

— Какой из него атлант, всего только Кот в сапогах! — слегка усмехнулся Исая, отступая.

Поджимая под себя ноги, парень съежился.

— Что-нибудь сказал? — Глеб повернулся к Исаю.

— Воду мутит, — коротко ответил Исая. — Памятью страдает. Все вокруг да около.

Опустившись на стул, Глеб требовательно произнес:

— Вот что, Кот в сапогах, мне нужно, чтобы ты ответил на три моих вопроса, а потом я тебя отпущу на все четыре стороны! Первый. За что вы набросились на парня около театра? Второй. Как зовут того парня, и где я могу его найти? И третий. Кто может подтвердить, что ты — Кот в сапогах?

Смотря в глаза Глебу, парень видел, что принялись за него серьезно, что прежняя версия сейчас могла запросто подвести под монастырь, неизвестно, куда кривая могла вывести, как бы не завела в трясину, тогда пиши — пропало, разлепил губы и стал накручивать новую историю:

— Мы попросили закурить у него, а он обозвал нас, ну, с этого и началось. Как его зовут, я не знаю, и откуда он, тоже

не знаю. Поверь, босс, я не вру. Про Кота в сапогах это я пошутил. Кликуха моя Блямба, по паспорту Блямин Колька. Спросите у любого на улице Панова, меня каждая собака знает, — парень кинул взгляд на Исаю, точно от того ждал подтверждения своим словам.

Ответ Блямбы Глеба не устроил. Все было шито белыми нитками. Все было враньем. Корозов сам был свидетелем начала драки, и парень сделал большую ошибку, пытаясь водить его за нос.

— Ты меня за идиота держишь, Блямба? Думаешь, у тебя хватит мозгов одурачить меня? — повысил голос Глеб.

Тот заерзал на месте. Его насквозь прошибло потом. Чуть передвинулся в сторонку, словно под ним образовалось мокрое пятно. По спине побежали крупные мурашки, обдавая холодом. Он затих на какое-то время, почувствовал, как по-песьи прижались его уши, и по-собачьи проскулил:

— Я не вру, босс! Ей-богу! Ухо в заклад даю!

Корозов не сразу ухватил, что предложил ему Блямба в заклад, а когда до него дошло, перевел глаза на начальника охраны и без улыбки сурово распорядился:

— Возьми у него ухо в заклад!

Исай кивнул, вытащил из ящика стола нож, и шагнул к парню. Тот изумленно проследил за ним. А когда начальник охраны с невозмутимым видом подошел и потянулся за ухом, отдернулся и вскрикнул:

— Эй, эй, я пошутил, у меня поговорка такая.

— А я не шучу, — сказал Глеб. — Заклад есть заклад. Это гарантия, что не соврешь. Потом, если скажешь правду, ухо я тебе верну.

— Ты шутник, босс. На кой черт отрезанное, оно мне потом будет нужно?

— Соображаешь. Тогда сообрази и дальше, что будет с тобой, если продолжишь крутить мне мозги. И ухо не поможет тебе.

— Ей-богу, босс, я не знаю того, о ком ты спрашиваешь! — взмолился Блямба, пытаясь подняться с пола. — Гадом буду!

Никогда не видел до этого! — вставая на ноги, Блямба спиной по стене пополз вверх, оставляя на рубашке зелень краски.

Глеб поморщился, голыми руками этого типа не возьмешь, придется повозиться, сказал:

— Похоже, твоя голова плохо соображает! — глянул на Исаю. — Запри его, пока мозги не проснутся.

В выжидательной стойке Блямба вытянулся вдоль стены. Исай позвал охранников, отдал распоряжение, и парня вывели из кабинета. Глеб поручил сделать снимки Блямбы и выяснить о нем все. И в заключение уверенно произнес:

— Врет! Все врёт! Странная история. Странная.

Через несколько минут Блямбу сфотографировали и повезли в пустующую служебную квартиру.

Все это не очень нравилось Глебу. И на кой черт он прихватил с земли кинжал около театра? На кой ляд теперь связался с поисками его владельца? Как будто дел других нет. Может, все бросить к чертовой матери? И про актрису забыть, и Блямбу пинком под зад отправить куда подальше. Вот только одна закавыка все портила: не умел он бросать начатое дело, не привык. Выйдя от Исаи, отправился в свой кабинет.

Распечатав снимки Блямбы, Исай поручил охранникам выехать на улицу Панова и к театру для сбора информации.

Блямбу сопровождали трое охранников. Те, которые захватили его у театра. Он сидел на заднем сиденье между двумя парнями и от самого офиса бубнил, что рассказал все, что знал, и теперь не понимает, что еще хотят от него. Хоть режь его ножом. Охранники по бокам молчали, а тот, что сидел рядом с водителем, повернул к нему простоватое лицо, потребовал умолкнуть.

Подъехав к дому, Блямбу высадили из машины. Он быстро обегал глазами двор, спросил, показывая на подъезд:

— Сюда, что ли? — и прикинул, сколько шагов идти до дверей.

Жара стояла жуткая. Солнце било в глаза, слепило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru